

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 82.01/.09; 159.9.018.6

Калашников Виталий Григорьевич

кандидат психологических наук, доцент кафедры экономики и управления Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Башкортостан (РФ).

E-mail: transmeta1@yandex.ru

КОНТЕКСТНЫЙ ПОДХОД К ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЮ: ДОСТОЕВСКИЙ И ПСИХОАНАЛИЗ

Аннотация. Цель статьи – продемонстрировать возможности широко известного в педагогике и психологии контекстного подхода к литературоведческому исследованию.

Методы и методология. Контекстный подход, разработанный А. А. Вербицким как основная составляющая методологии образования, стал главным инструментом изложенного в публикации изыскания. Помимо области общего образования, данный подход приложим к различным его частным сферам – воспитательным аспектам, методологии преподавания различных учебных дисциплин – математики, биологии, иностранного языка и др. Использование данного подхода в качестве составляющей общепсихологической методологии позволило применять его и в различных областях гуманитарного знания, в частности в литературоведческих исследованиях с ярко выраженной психологической проблематикой. Методом работы был избран соответствующий подходу контекстный анализ.

Результаты. С опорой на трактовку А. А. Вербицкого и результаты позднейших исследований автор показывает, что контекст – это семантический механизм, объективируемый во внешних формах тестовых фрагментов, социально-коммуникативных ситуаций и т. п. Выделены такие виды контекстов, как микроконтекст личности и произведений автора, мезоконтекст социокультурных влияний, а также макроконтекст восприятия и интерпретации произведений в культуре и науке.

Представлен критический взгляд на психоанализ как инструмент литературоведения в отечественной культуре. Благодаря систематизации взаимодополняющих контекстов и психоаналитической интерпретации развенчан миф об эпилепсии Ф. М. Достоевского как истоке его творчества, хотя, по

признанию самого писателя, личностные проблемы и неврозы все же отразились на его произведениях. Выдвинута гипотеза об обратном влиянии творчества Ф. М. Достоевского на концепцию З. Фрейда, т. е. о формировании психоанализа под воздействием художественного творчества.

Научная новизна. Методы привлечения интертекстуального и социокультурного окружения давно известны в языкознании и литературоведении. Однако разнородные среды существования личности и творчества художника в качестве унифицированной системы психологических по своей сути контекстов не рассматривались. Новизна предлагаемого способа исследования заключается прежде всего в систематичности формирования комплекса контекстов изучаемого явления, что позволяет соотносить между собой самую разнородную по происхождению информацию. В результате исследователь получает ряд взаимодополняющих описаний в духе «принципа дополнительности» Н. Бора, что обеспечивает объемность и полноту восприятия изучаемого явления.

Практическая значимость работы заключается в убедительном доказательстве перспективности контекстного подхода к междисциплинарному психолого-литературоведческому исследованию.

Ключевые слова: литература, литературоведение, контекст, контекстный подход, контекстный анализ, Достоевский, Фрейд, психоанализ.

DOI: 10.17853/1994-5639-2016-8-155-172

Статья поступила в редакцию 12.04.2016.

Принята в печать 14.09.2016.

Vitaly G. Kalashnikov

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Economics and Management, Sterlitamak Branch of the State University of Bashkortostan, Sterlitamak, Republic of Bashkortostan (RF).

E-mail: transmeta1@yandex.ru

CONTEXTUAL APPROACH TO LITERARY CRITICISM: DOSTOEVSKY AND PSYCHOANALYSIS

Abstract. *The aim of this article is to demonstrate the possibilities of application of the contextual approach, developed in pedagogy and psychology, in the process of literary analysis.*

Initially contextual approach was developed by A. A. Verbitsky as a methodology of education. A key category of this approach was the context, interpreted A. A. Verbitsky as a psychological phenomenon. Accordingly, in this paper on the basis of later research context is understood as a psychological mechanism of semantic, objectified in external forms of test patches, social and communicative situations, etc. Now contextual approach became general psychological methodology, which led to the possibility of its application in various fields of the humani-

ties in particular – in psycholinguistic literary studies, where the notion of «context» is used in-depth psychological interpretation.

Methods. The contextual approach developed by A. A. Verbitsky as the main component of methodology of education became the main instrument of the research stated in the publication. Besides a field of the general education, this approach is applicable to various private spheres – to educational aspect of education, and also to methodology of teaching various subject matters – mathematicians, biology, foreign languages, etc. The contextual approach at the level of all-psychological methodology has allowed to apply it in various fields of humanitarian knowledge, in particular in literary researches with a strongly pronounced psychological perspective. The contextual analysis corresponding to approach has been chosen as a method of work.

Results. Based on A. A. Verbitsky's interpretation and results of the latest researches the author shows that the context is a semantic mechanism, objectified in external forms of text fragments, social and communicative situations, etc. The following types of contexts are allocated: microcontext of a personality and works of an author, a mesocontext of socio-cultural influences, and also macrocontext of perception and interpretation of works in culture and science.

The critical view of psychoanalysis as the literary criticism tool in the Russian culture is presented. Through the systematization of complementary contexts and psychoanalytic interpretation the myth about F. M. Dostoyevsky's epilepsy as a source of his creativity is discredited; though by recognition of the writer, personal problems and neuroses nevertheless were reflected in his works. The hypothesis of the opposite influence of creativity of F. M. Dostoyevsky on S. Freud's concept, i.e. formation of psychoanalysis under impact of art creativity is made.

Scientific novelty. Methods of engaging of an intertextual and socio-cultural environment are known in linguistics and literary criticism long ago. However, diverse environments of existence of the personality and works of the artist as the unified system of contexts psychological in essence have not been considered yet. The novelty of the proposed way of a research consists in systematicity of formation of a complex of contexts of the studied phenomenon that makes it possible to correlate the diversified information through its origin. As a result, the researcher receives a number of complementary descriptions in the spirit of «the principle of a complementarity» by N. Bohr that provides dimensions and completeness of perception of the studied phenomenon.

Practical significance of the work lies in the hard proof of the prospects of the contextual approach to interdisciplinary psychological and literary research.

Keywords: literature, literary criticism, context, contextual approach, context analysis, Dostoevsky, Freud, psychoanalysis.

DOI: 10.17853/1994-5639-2016-8-11-25

The article was submitted on 12.04.2016.

The article was accepted for publication on 14.09.2016.

Введение

Контекстным подходом принято называть психолого-педагогическую методологию, разработанную в научной школе А. А. Вербицкого. Данный подход применяется как к области общего образования в целом, так и к различным его частным сферам – к воспитательному аспекту образования, а также к методологии преподавания различных учебных дисциплин – математики, биологии, иностранного языка и др. [23, 24]. Разумеется, он может внести существенный вклад и в литературоведческое изучение писательского творчества, а соответственно, и в преподавание литературы (предмета, традиционно понимаемого в школьном обучении как «литературоведение»).

Ключевое понятие контекстного подхода – «контекст», трактуемый как важная психологическая и – шире – общегуманитарная категория. Классическим является лингвистическое понимание контекста: это «заключенная в смысловом отношении часть текста, высказывания, позволяющая установить значение входящего в нее слова или фразы» [1, с. 206]. То есть в языковедении контекст – текстовый фрагмент, окружающий некоторый другой фрагмент и влияющий на его значение и смысл. При этом очевидно, что семантические процессы порождения значения и смысла обеспечиваются психическими механизмами, поэтому в начале 1980-х гг. А. А. Вербицким была дана психологическая трактовка феномена контекста: «Контекст – это система внутренних и внешних условий жизни и деятельности человека, которая влияет на восприятие, понимание и преобразование им конкретной ситуации, придавая смысл и значение этой ситуации как целому и ее компонентам. Внутренний контекст представляет собой индивидуально-психологические особенности, знания и опыт человека; внешний – предметные, социокультурные, пространственно-временные и иные характеристики ситуации, в которых он действует» [3].

В приведенном определении речь идет о ментальной репрезентации различных явлений внешнего и внутреннего мира. Контекст рассматривается не как некоторый фрагмент материального мира (например, текст в его письменной форме, а тем более – совокупность предметов, окружающих кого- или что-либо), но прежде всего – как теоретический конструкт, который описывает психологический процесс порождения и функционирования значения и смысла за счет соотнесения центрального и связанного с ним периферического фрагментов информации [4]. В этом случае все традиционные (структурные) трактовки контекста отражают не столько сам контекст (который предстает как психический процесс), но его объективации в различных формах – материальных (текст, пред-

метное окружение), а также псевдоматериальных (менталитет, концептосфера, семантическое поле и пр.).

Метод исследования

Контекст, понимаемый как психический семантический механизм, обеспечивает интерпретацию и понимание человеком любых объектов и ситуаций. Контекстный подход, давно вышедший за свои исходные рамки психолого-педагогической проблематики, служит инструментом исследования процесса ментального осмысления человеком воспринимаемой им реальности и следствий этого процесса, вражающихся в прикладном применении выявленных закономерностей. Основным методом этого подхода является контекстный анализ, использующийся для систематического выделения и учета всех контекстов, в которых изучаемое явление обретает различные смыслы.

В отличие от классического литературоведческого анализа, данный инструмент не замыкается в рамках единичного текста (или их корпуса), а рассматривает в качестве контекста любые семантические поля, которые имеют связь с изучаемым объектом и выступают в качестве ментальных репрезентаций различных явлений и отношений действительности. Подобные методы привлечения широкого интертекстуального и социокультурного окружения применяются в языкознании и литературоведении издавна. Однако разнородные среды существования личности и творчества художника в качестве унифицированной системы психологических по своей сути контекстов не рассматривались. Новизна предлагаемого способа заключается прежде всего в систематичности формирования комплекса контекстов изучаемого явления, что позволяет соотносить между собой самую разнородную по происхождению информацию. В результате исследователь получает ряд взаимодополняющих описаний (в духе «принципа дополнительности» Н. Бора), что обеспечивает объемность и полноту восприятия изучаемого явления.

При этом следует особо подчеркнуть, что все мыслимые контексты являются «взаимопересекающимися», что означает возможность рассмотрения единичного факта в нескольких контекстах – как расширяющихся в одной «плоскости» (например, в контексте более широкой социальной сферы – от семьи до творческого союза или общества в целом), так и в разнородных контекстах – относящихся к разным сферам жизнедеятельности и различным сферам знания (биологии и этологии, антропологии и социологии, психологии и педагогике, когнитивным и компьютерным сферам и т. п.). В частности, контекстный подход может применяться в литературоведческом анализе творчества того или иного писателя в нескольких направлениях и на нескольких уровнях (причем, по нашему убеждению, подобный подход при-

меним и в искусствоведении в любых его частных аспектах – изобразительном, музыкальном, архитектурном и др.).

Прежде всего, возможно выделение макро-, мезо- и микроконтекстов художественного творчества, которые можно разделить на две группы – внутренний и внешний контексты.

Внутренний контекст характеризует психологические аспекты творческого процесса и совпадает с микроконтекстом. К микроконтексту относится конкретное произведение или весь корпус произведений автора, соотносимый с его личностью или конкретным творением; его применение предполагает выявление биографического контекста творчества автора (или возникновения его конкретного произведения), раскрытие связей конкретного произведения с его личной историей, выявление специфической поэтики и лексики художника (авторского языка как идиолекта), а также интертекстуальных связей между произведениями самого автора, превращающие их в единое «метапроизведение», где каждое является контекстом для всех остальных.

Внешний контекст включает два обобщающих контекста, каждый из которых состоит из комплекса частных контекстов.

Мезоконтекст – это ментальная репрезентация социально-исторической ситуации, которая прямо или косвенно влияет на творчество изучаемого автора или на конкретное его произведение. Это своеобразный фон творческого процесса, представленный историко-культурным и социально-экономическим, а также социально-политическим контекстами. Все они формируют имплицитные контексты творчества данного автора, которые в лингвистике традиционно называют «фоновыми» или «выводными знаниями»: это пресуппозиции, имплицитные знания и др.; характеристики менталитета как системы концептов (концептосферы) и языковой картины мира народа, к которому он принадлежит; идиолект и тип дискурса, характерный для его социокультурной общности, прецедентные тексты и семантическая «энциклопедия», определяющие «культурный код» современности; сценарии и фреймы, социальные стереотипы и другие установки, структурирующие воспринимаемую ситуацию.

Макроконтекст предполагает соотнесение всего творчества автора (или конкретного его произведения) с различными системами интерпретации и понимания. Это может быть реконструкция процессов рецепции (восприятия и усвоения) данного произведения или всего творчества конкретного автора в его собственной или иной культуре (в том числе синхронной ему иноязычной или диахронной – более поздней); либо постановка произведения или «метапроизведения» (т. е. всего корпуса творчества) данного автора в контекст тех или иных научных или философских

концепций – причем необязательно только литературо- или искусствоведческих, но и культурологических, математических, социологических, психологических.

Проиллюстрируем последний тезис на примере анализа творчества Ф. М. Достоевского в контексте концепции психоанализа. В этом случае следует обратиться к нескольким более конкретным контекстам: биографическому контексту творчества писателя, концептуальному контексту самого психоанализа, определяющему специфическую интерпретацию его произведений, а также к социокультурному контексту рецепции психоанализа в России, составляющему более широкий контекст для самого «психоаналитического контекста» наследия Ф. М. Достоевского.

Результаты исследования

При изучении связей личности и творчества Ф. М. Достоевского в психоаналитическом контексте возможно выделение двух аспектов: исследование личности писателя средствами психоаналитического метода и обратное явление – художественное предвосхищение Ф. М. Достоевским многих психологических и патопсихологических открытий З. Фрейда. Иными словами, возможно не только рассмотрение творчества Ф. М. Достоевского в контексте психоанализа, но и постановка самого психоанализа в контекст творчества великого русского писателя.

Сначала обратимся к анализу собственно психоаналитического контекста.

Пионером психоаналитического исследования личности Ф. М. Достоевского следует признать русскую исследовательницу Т. К. Розенталь, опубликовавшую часть своих изысканий «Страдания и творчество Достоевского: психоаналитическое исследование» в 1920 г. Труд остался неоконченным, охватив лишь «регрессивную» часть жизни писателя – от периода «Бедных людей» до сибирской каторги. Интересно, что Т. К. Розенталь, в отличие от З. Фрейда и многих других психоаналитиков, не считала «эдипов комплекс» определяющим для личности писателя [18].

Немецкий психоаналитик И. Нейфельд в работе «Достоевский. Психоаналитический очерк под редакцией проф. З. Фрейда» (1923 г.) первым попытался свести все проявления жизни и творчества Ф. М. Достоевского к «эдипову комплексу», обнаружив и продемонстрировав в подтверждение тому многочисленные примеры из жизни и произведений писателя [16].

В исследовании русской ученицы Фрейда А. Кашиновой-Евреиновой «Подполье гения (сексуальные источники творчества Достоевского)» (1923 г.), в качестве основного импульса творческой личности Достоевского называются «жестокость и сладострастие»; тайна личности писате-

ля, с ее точки зрения, кроется в его садизме. «Теперь я... его знаю!» – такими словами заканчивает она свое эссе [11, с. 60].

Не только врачи-психоаналитики, но и писатель Т. Манн (который преклонялся перед Достоевским, считая его одним из своих духовных наставников) выводил причину психологических проблем Ф. М. Достоевского из сексуальной сферы. Т. Манн считал, что писательский гений Достоевского («великого эпилептика») теснейшим образом связан с его болезнью и ею окрашен. По Т. Манну эпилепсия великого русского писателя уходит корнями в сексуальную сферу, как «проявление сексуальной динамики в виде взрыва, преобразованную, трансформированную форму полового акта, мистическое извращение» [14, с. 332]. В этом мнении можно усмотреть возрастающее проникновение психоанализа в культуру первой половины XX века и одностороннюю трактовку психоанализа как пансексуальной теории.

Известно, что З. Фрейд создал психоаналитические портреты лишь двух великих гуманистов – Леонардо да Винчи (к биографии этого гения он обратился под влиянием второго романа трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист») и Ф. М. Достоевского, с чьим творчеством был хорошо знаком по переводам и высоко его оценивал. По мнению Фрейда, место Достоевского «в одном ряду с Шекспиром, “Братья Карамазовы” – величайший роман из всех, когда-либо написанных, а “Легенда о Великом инквизиторе” – одно из высочайших достижений мировой литературы, переоценить которое невозможно» [21, с. 407]. З. Фрейд посвятил анализу личности писателя большую статью «Достоевский и отцеубийство» (1928 г.), где вывел истоки личностных проблем Достоевского из его «эдипова» комплекса. При этом следует подчеркнуть, что, в отличие от своих последователей-аналитиков, З. Фрейд не связывал напрямую все индивидуально окрашенные проявления творчества Ф. М. Достоевского с его психологическими особенностями, констатируя: «К сожалению, перед проблемой писательского творчества психоанализ должен сложить оружие» [21, с. 407].

З. Фрейд объясняет стремление многих исследователей искать в личности писателя патологию тем, что в героях Ф. М. Достоевского – а это «преимущественно насильники, убийцы, эгоцентрические характеры» – будто бы высвечиваются склонности его внутреннего мира, о чем свидетельствуют некоторые факты его жизни [21, с. 409]. Однако сильная деструктивная устремленность писателя, по Фрейду, была направлена против себя самого вследствие «эдипова комплекса» – двойственного отношения к отцу, когда чрезвычайная любовь и идентификация борются с ненавистью и соперничеством. Невозможность синтеза этих противоположных тенденций порождает невротические проявления, характеризу-

ющие личность писателя. «Невроз – это только знак того, что «Я» такой синтез не удался, что оно при этой попытке поплатилось своим единством» [21, с. 410]. Из этой внутренней «расколотости» психики Ф. М. Достоевского Фрейд выводит и его стремление к самонаказанию и покаянию (за вытесняемую из сознания ненависть к отцу, особенно после его трагической гибели в результате убийства), и противоречивость его поступков, и эволюцию его взглядов на протяжении жизни, и даже саму «таинственную болезнь» великого писателя, о которой будет сказано ниже.

Но тенденция сведения всей сложности личности Ф. М. Достоевского к «эдипову комплексу» среди последователей основателя психоанализа оказалась сильнее. Хотя данная тенденция и была подвергнута острой критике после публикации очерка И. Нейфельда о Достоевском в советской России в 1925 г. В частности, литературовед И. Григорьев писал: «...если наперед быть уверенным, что всякое литературное произведение лишь сублимация “эдипова комплекса”, то при беспредельной гибкости этого построения, которое легко повернуть и вывернуть как угодно, можно без всяких усилий в любом произведении в два счета обнаружить наличие “эдипова комплекса”. Вместе с тем литературное исследование будет прекращено» [8, с. 236]. И. Григорьев предложил не менее убедительные объяснения многих явлений жизни Ф. М. Достоевского, не требующие обращения к бессознательным комплексам [там же, с. 233–236].

После такого заведомо краткого, «пунктирного» обзора психоаналитических взглядов на личность и творчество Ф. М. Достоевского обратимся к другому социокультурному контексту рецепции психоаналитических взглядов на искусство в отечественной науке и культуре.

Изначально восприятие психоанализа в России (как до-, так и послереволюционной) было позитивным, что проявилось в попытках применить его методологию к анализу художественного творчества. В частности, пушкинист П. С. Попов в 1928 г. выступил с докладом «“Я” и “Оно” в творчестве Достоевского» и попытался найти «ключ» к его творчеству с помощью психоаналитической схемы. При этом он отверг «физиологический» аспект схем психоанализа и взял на вооружение исключительно концепцию разделения сознания и подсознания, полагая, что каждый герой Достоевского выражает «Я» либо «Оно» [17].

Однако психоаналитический подход к искусству и к творчеству Ф. М. Достоевского вызвал существенную критику. Так, выдающийся психолог Л. С. Выготский и литературовед по первоначальному образованию, критикуя И. Нейфельда, отмечал, что в его исполнении психоаналитический метод «не волшебный ключ, а какая-то психоаналитическая отмычка, которой можно раскрыть все решительно тайны и загадки твор-

чества» [5, с. 80]. Это был прямой ответ П. Губеру, автору предисловия к русскому переводу исследования И. Нейфельда. Губер без тени иронии писал, что «волшебный ключ фрейдизма», изготовленный в «психиатрической клинике», должен «как воровская отмычка отпирать любую дверь», в том числе и в глубины личности творца (цит. по [19, с. 239]). Не отрицая, что бессознательное, несомненно, связано с творчеством, Л. С. Выготский протестует против сведения всех истоков творчества к сексуальности: «Вся жизнь оказывается нулем по сравнению с ранним детством, а из комплекса Эдипа исследователь берется вывести все решительно романы Достоевского. Но беда в том, что один писатель окажется роковым образом похожим на другого, потому что тот же Фрейд учит, что Эдипов комплекс есть всеобщее достояние» [5, с. 80–81]. Столь же резко Л. С. Выготский отвергал «чудовищные натяжки» психоаналитических трактовок художественных образов русскими аналитиками, в частности профессором И. Д. Ермаковым [там же, с. 81].

Сходной позиции придерживаются и современные исследователи жизни и творчества Достоевского. Так, Ю. И. Селезнев обращает внимание на тот факт, что по теории З. Фрейда «эдипов комплекс» присущ всем без исключения людям, однако он отнюдь не у всех выливается именно в творчество [19, с. 240–241]. И. И. Гарин также полагает, что редуцировать великую личность Достоевского к одному-единственному комплексу, значит поступать подобно мифологическому Прокрусту [6, с. 47]. И если редукция всего многообразия сложнейшего внутреннего мира и творчества гениального писателя к единственной психологической проблеме подвергалась и подвергается заслуженной критике, то психоаналитическое исследование болезни Достоевского представляется подходом значительно более обоснованным и продуктивным. И здесь снова следует обратиться к контексту психоанализа, расширив его за счет общенаучного контекста психопатологии.

З. Фрейд, вслед за немецкими психиатрами Братцем и Крепелином, разделял эпилепсию на органическую, связанную с поражением мозга, и аффективную, обусловленную неврозом. Невротический «механизм» через телесные проявления (судорожные припадки) ликвидирует психическое раздражение, которое не может быть изжито психически. Вполне возможно, что эпилепсия Достоевского относится ко второму виду, как отмечает Фрейд. Указывая на недостаточность и ненадежность анамнестических данных о «так называемой эпилепсии Достоевского» и отсутствие ясного понимания болезненных состояний, связанных с эпилептоидными припадками, Фрейд констатирует: «...наиболее вероятно, что эта так называемая эпилепсия лишь симптом его невроза, который в этом случае

нужно было бы классифицировать как истероэпилепсию, то есть как тяжелую истерию» [21, с. 412].

А. Г. Иванов-Смоленский объяснял И. П. Павлову проявления «аффективной эпилепсии» следующим образом: «Это та эпилепсия, при которой судорожный припадок вызывается ссорой, неприятностью, волнением и т. д. Такой эпилепсией страдал Достоевский, у которого припадок всегда присоединялся к какому-то волнению...» (цит. по [12, с. 41]).

Первыми подобные взгляды высказали именно русские психоаналитики. Так, Т. К. Розенталь в упомянутой выше работе отнесла болезнь Ф. М. Достоевского к типу «аффективной эпилепсии» [18]. И. Д. Ермаков в не опубликованной до недавнего времени рукописи «Достоевский. Он и его произведения» (ок. 1925 г.) относит болезнь писателя к «истерической эпилепсии», поскольку ее течение у Ф. М. Достоевского отнюдь не сопровождалось тяжелым прогрессирующим психическим расстройством, характерным для типичной эпилепсии [10, с. 355–365]. Более того, в рукописи И. Д. Ермакова есть указание на его же статью 1913 г., в которой он впервые высказал эту мысль [там же, с. 348]. Однако документально подтвердить этот факт не удалось (см.: [20]). Интересно, что Г. Гессе в 1919 г. также прозорливо подметил истинные истоки болезненных проявлений писателя, утверждая, что «...Достоевский в действительности был истериком, почти эпилептиком» [7, с. 114].

К выводу об истероидно-невротическом происхождении судорожных припадков Ф. М. Достоевского приходят и современные специалисты – психиатр О. Н. Кузнецов и психолог В. И. Лебедев. Анализируя проявления болезни великого русского писателя, они развенчивают «красивую, романтическую, но мрачную» легенду о тяжелой эпилепсии Достоевского, которая развивалась из разных соображений и им самим, и его близкими, а в последствии – критиками и литературоведами [12, с. 44–45]. Таким образом, размывается основа для слишком упрощенного толкования личности гениального автора – путем приписывания основных проявлений его личности и творчества влиянию тяжелого психического недуга.

Теперь произведем обратный ход: поставим психоанализ в контекст литературных произведений великого русского писателя. Своим творчеством Ф. М. Достоевский во многом предвосхитил проникновение психологии в «темные глубины» человеческой души. Нельзя с уверенностью говорить о прямом влиянии произведений великого русского писателя на антропологические и собственно-психологические взгляды создателя психоанализа З. Фрейда. Но сходство отдельных прозрений русского классика и психоаналитических концепций отмечал еще И. Нейфельд [16]. Обра-

щали на него внимание и многие позднейшие исследователи, в частности, В. М. Лейбин [13]. Мы можем подкрепить это мнение ссылками на конкретные творения Ф. М. Достоевского: важность детских впечатлений для формирования личности и всей последующей жизни человека («Братья Карамазовы», «Идиот», «Подросток»); обусловленная этим фактом чрезвычайная важность семьи, ее уклада и семейного воспитания для складывания здоровой или, наоборот, невротичной личности («Униженные и оскорбленные», «Братья Карамазовы»); признание детской и подростковой сексуальности («Подросток», «Братья Карамазовы»); бессознательная мотивация поступков («Вечный муж», «Идиот»); сновидения как отражение неосознаваемых содержаний психики («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Белые ночи»); точное описание многих психических отклонений от нормы – противоречивость (амбивалентность) стремлений невротика, «двоемыслие» как осознание этих противоречий, неспособность управлять своими поступками («Преступление и наказание», «Идиот», «Игрок», «Братья Карамазовы», «Записки из мертвого дома», «Село Степанчиково и его обитатели»).

К этому перечню можно добавить разделяемое обоими мыслителями положение о принципиальной противоречивости человеческой психики на всех ее уровнях – от осознаваемых до самых глубинных (где «дьявол с Богом борется»). Также важно отчетливое осознание Ф. М. Достоевским того факта, что его литературное творчество является не только отражением его собственных психологических противоречий, но также и средством для их разрешения. В качестве подтверждения этого можно привести широко известное письмо Ф. М. Достоевского к брату: «... скоро ты прочтешь “Неточку Незванову”. Это будет исповедь, как Голядкин, хотя в другом тоне и роде...» [9, с. 71]. В другом письме Достоевский отмечает, что писательство для него – исход для внутренней раздвоенности. Примеры параллелей можно продолжить, чему препятствуют лишь размеры статьи. Отметим лишь явное указание самого писателя на творчество как способ преодоления невроза путем интеграции внутриспсихических противоречий в ходе творческого процесса и рефлексии своих психологических личностных проблем в форме литературного произведения, что вполне совпадает с одним из важнейших положений психоанализа. Еще А. Бем в своем психоаналитически-ориентированном исследовании творчества Ф. М. Достоевского отмечал, что психический мир автора предстает в художественном произведении в переработанном виде, являясь только материалом для творчества [2].

Таким образом, творчество Ф. М. Достоевского можно назвать «энциклопедией фрейдизма» (И. И. Гарин). В то же время отмечаемые парал-

лели касаются лишь некоторых психологических закономерностей и симптомокомплексов и у обоих мыслителей вписаны в различный культурно-идеологический контекст. Если Ф. М. Достоевский находился в рамках религиозно-философской парадигмы, из которой он выводил частные проявления «души человеческой», то для З. Фрейда характерно стремление построить философию человека научным путем. Это различие в методах вполне соответствует различию литературно-гуманистического и научно-клинического подходов к исследованию человека и является объективным. В. М. Лейбин указывает на то, что основатель психоанализа раскрывает общие механизмы функционирования человеческой психики, тогда как великий писатель больше ориентирован на описание нравственных переживаний личности [13].

Другое различие связано с субъективным восприятием творчества Ф. М. Достоевского и З. Фрейда исследователями. Оптимистический гуманизм великого писателя отмечен многочисленными исследователями его творчества, оптимистичное стремление к торжеству сознания над темными побуждениями бессознательного «отца психоанализа» замечают нечасто. Впрочем, достаточно много исследователей приписывают обоим авторам мрачный взгляд на человеческую природу, с чем невозможно согласиться. Скорее, и Достоевский, и Фрейд каждый по-своему честно и ответственно взглянули на человека, преодолевая своеобразное «вытеснение» присущих ему негативных черт, характерное для культуры XVIII–XIX вв.

Обсуждение и заключение

Обобщая изложенное, можно сделать вывод о том, что психоанализ не дал существенных инструментов для обогащения литературоведения, видя в художественных произведениях лишь отражение («проекцию» в терминологии Фрейда) собственных теоретических построений. По мнению исследователя психологии творчества Б. С. Мейлаха, «в России перенесение фрейдизма на почву изучения творческой личности писателя показало свою полную бесплодность» [15, с. 8]. Сходное мнение сложилось в среде искусствоведов и филологов. Как отмечал исследователь судьбы психоанализа в России А. Эткинд, «за свои клинические претензии на истину, по определению никому из них недоступную, психоаналитические исследования литературы заслужили дружную нелюбовь филологов. В России такая традиция нелюбви к психоанализу тянется от Андрея Белого до Ю. М. Лотмана» [22, с. 7]. Известно, что негативно относились к психоанализу не только литературоведы и критики, но и писатели, например, А. А. Ахматова и В. И. Набоков. В целом, психоанализ текстов Ф. М. Дос-

тоевского практически всегда заключался в редукции художественной ткани к психологическим комплексам ее творца.

Перспективы психоаналитического подхода виделись Л. С. Выготскому в истолковании символики искусства с учетом социально-психологических закономерностей в его историческом развитии с учетом того, что «искусство никогда не может быть объяснено до конца из малого круга личной жизни, но непременно требует объяснения из большого круга жизни социальной» [5, с. 83]. Однако психоаналитический метод по самой своей природе противоречит такому выходу за пределы индивидуальной психики. Оригинальные подходы К. Г. Юнга и Э. Фромма недостаточно активно применялись к анализу художественных произведений.

Заслугой психоанализа является в основном точная интерпретация болезни Ф. М. Достоевского как проявлений невроза, которая долгие годы оставалась вне поля зрения исследователей. Приоритет в развенчании стереотипа о «священной болезни» Ф. М. Достоевского принадлежит именно русским психоаналитикам, с чьим мнением совпали и выводы З. Фрейда. В то же время многие открытия первого психоаналитика были в неявной, художественной форме предвосхищены в творчестве гения мировой литературы. Следовательно, более продуктивным направлением исследования может быть разработка еще не прослеженного возможного влияния представлений о человеческой душе, отраженных в творчестве Ф. М. Достоевского, на формирование философско-психологических воззрений З. Фрейда.

Итак, на основании проведенного анализа, можно утверждать, что каждый контекст по-своему оказывается продуктивным для получения существенно нового знания о писателе и его творчестве: в случае Ф. М. Достоевского контекст психоанализа позволяет преодолеть расхожий миф об эпилепсии великого писателя и сделать обоснованный вывод о том, что одной из побудительных сил творчества является стремление к снятию внутриспсихического напряжения (когнитивного диссонанса или невроза) в творческом акте. Вместе с тем этот контекст не дает серьезного приращения к пониманию всей сложности и многогранности великого писателя-гуманиста, требуя обращения к более широкому социокультурному контексту его творчества. В любом случае, контекстный подход позволяет упорядочить литературоведческий (как и любой искусствоведческий) анализ за счет рефлексии исследователя над контекстами, в которых он воспринимает, интерпретирует и понимает художественное произведение или личность его автора; это обеспечивает необходимую системность такого исследования.

*Статья рекомендована к публикации
д-ром пед. наук, проф. А. А. Вербицким*

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Бем А. А. Достоевский. Психоаналитические этюды // А. А. Бем. Исследования. Письма о литературе. Москва: Языки славянской культуры, 2001. С. 245–332.
3. Вербицкий А. А. Контекст (в психологии) // Психологический лексикон: энциклопедический словарь: в 6 т. / ред.-сост. А. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского. Москва: ПЕР СЭ, 2005. С. 137–138.
4. Вербицкий А. А., Калашников В. Г. Категория «контекст» в психологии и педагогике: монография. Москва: Логос, 2010. 300 с.
5. Выготский Л. С. Искусство и психоанализ // Выготский Л. С. Психология искусства. Москва: Педагогика, 1987. С. 68–83.
6. Гарин И. И. Многоликий Достоевский. Москва: Терра, 1997. 396 с.
7. Гессе Г. Братья Карамазовы и закат Европы // Гессе Г. Письма по кругу: пер. с нем. Москва: Прогресс, 1987. С. 104–115.
8. Григорьев И. Психоанализ как метод исследования художественной литературы // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / сост. и авт. вступ. ст. В. М. Лейбин. Москва: Республика, 1994. С. 221–237.
9. Достоевский Ф. М. М. М. Достоевскому. Январь-февраль 1847. Петербург // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 т. Т. 15. Письма 1834–1881. С.-Петербург: Наука, 1996. С. 69–71.
10. Ермаков И. Д. Достоевский. Он и его произведения // Ермаков И. Д. Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. Москва: Новое литературное обозрение, 1999. С. 347–440.
11. Кашинова-Евреина А. Подполье гения (сексуальные источники творчества Достоевского). Ленинград: АТУС, 1991. 64 с.
12. Кузнецов О. Н., Лебедев В. И. Достоевский о тайнах психического здоровья. Москва: Российский открытый университет, 1994. 397 с.
13. Лейбин В. М. Фрейд и Достоевский // сост., пред., биограф. спр. и общ. ред. В. М. Лейбина. Москва: Московский институт психоанализа; Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 252–310.
14. Манн Т. Достоевский – но в меру // Манн Т. Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. Москва: Художественная литература, 1961. С. 327–345.
15. Мейлах Б. С. Психология художественного творчества: предмет и пути исследования // Психология процессов художественного творчества / отв. ред. Б. С. Мейлах, А. Н. Хренов. Ленинград: Наука, 1980. С. 5–23.
16. Нейфельд И. Достоевский. Психоаналитический очерк под редакцией проф. З. Фрейда // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / сост. В. М. Лейбин. Москва: Республика, 1994. С. 52–88.
17. Попов П. С. «Я» и «ОНО» в творчестве Достоевского // Психоанализ жизни и творчества Достоевского: хрестоматия / общ. ред. В. М. Лейбина. Москва: Московский институт психоанализа; Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 252–310.

18. Розенталь Т. К. Страдания и творчество Достоевского. Психогенетическое исследование // Психоанализ жизни и творчества Достоевского: Хрестоматия / сост. и общ. ред. В. М. Лейбина. Москва: Московский институт психоанализа; Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 23–45.
19. Селезнев Ю. И. В мире Достоевского. Москва: Современник, 1980. С. 238–274.
20. Строганова Е. Н. Комментарии // Ермаков И. Д. Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. Москва: Новое литературное обозрение, 1999. С. 488–500.
21. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Фрейд З. Я и Оно. Труды разных лет. В 2 кн. Кн. 2. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 407–426.
22. Эткинд А. И. Д. Ермаков и начало русского психоанализа // Ермаков И. Д. Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. Москва: Новое литературное обозрение, 1999. С. 5–14.
23. Chupina V. A., Pleshakova A. Y. & Konovalova M. E. Methodological and Pedagogical Potential of Reflection in Development of Contemporary Didactics // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. № 11 (14). P. 6988–6998.
24. Zavodchikov D. P., Sharov A. A., Tolstykh A. A., Kholopova E. S. & Krivtsov A. I. Particular Features of Interrelation of Motivation, Values and Sense of Life's Meaning as Subjective Factors of Individualizing Trajectory in the System of Continuous Education // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. № 11 (15). P. 8252–8268.

References

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Publishing House Sovetskaja jenciklopedija. [Soviet Encyclopedia]. 1966. 608 p. (In Russian)
2. Bem A. L. Dostoevskij. Psihoanaliticheskie ehtyudy. [Dostoevsky. Psychoanalytic studies]. Issledovaniya. Pis'ma o literature. [Research. Letters about literature]. Moscow: Publishing House Jazyki slavyanskoy kul'tury. [Languages of Slavic culture]. 2001. P. 245–332. (In Russian)
3. Verbitsky A. A. Kontekst (v psihologii). [Context (psychology)]. Obshchaya psihologiya. Slovar'. [General psychology. Dictionary]. Ed. by A. V. Petrovsky. Moscow: Publishing House PER SE. 2005. P. 137–138. (In Russian)
4. Verbitsky A. A. Kalashnikov V. G. Kategoriya «kontekst» v psihologii i pedagogike. [Category «context» in psychology and pedagogy]. Moscow: Publishing House Logos, 2010. 300 p. (In Russian)
5. Vygotsky L. S. Iskusstvo i psihoanaliz. [Art and psychoanalysis]. Psihologiya iskusstva. [Psychology of art]. Moscow: Publishing House Pedagogika. [Pedagogy]. 1987. P. 68–83.
6. Garin I. I. Mnogolikij Dostoevskij. [The many faces of Dostoevsky]. Moscow: Publishing House Terra, 1997. 396 p. (In Russian)
7. Hesse G. Brat'ya Karamazovy i zakat Evropy. [Brothers Karamazov and the decline of Europe]. Pis'ma po krugu. [Letters in a circle]. Moscow: Publishing House Progress, 1987. P. 104–115. (In Russian)

8. Grigoriev I. Psihoanaliz kak metod issledovaniya hudozhestvennoj literatury. [Psychoanalysis as a method of research literature]. Zigmund Frejd, psihoanaliz i russkaya mysl'. [Sigmund Freud, psychoanalysis and Russian thought]. Moscow: Publishing House Respublika. [Republic]. 1994. P. 221–237. (In Russian)
9. Dostoevsky F. M. Sobranie sochinenij. V 15 t. T. 15. Pis'ma 1834–1881. [Collected works in 15 volumes. V. 15. Letters, 1834–1881]. St.-Petesburg: Publishing House Nauka. [Science]. 1996. P. 71. (In Russian)
10. Ermakov I. D. Dostoevskij. On i ego proizvedeniya. [Dostoevsky. He and his works]. Psihoanaliz literatury. Pushkin. Gogol'. Dostoevskij. [Psychoanalysis of literature. Pushkin. Gogol. Dostoevsky]. Moscow: Publishing House Novoe literaturnoe obozrenie. [New Literary Review]. 1999. P. 347–440. (In Russian)
11. Kashinova-Evreinova A. Podpol'e geniya (seksual'nye istochniki tvorchestva Dostoevskogo). [Underground genius (sexual sources of Dostoevsky's work)]. Leningrad: Publishing House ATUS, 1991. 64 p. (In Russian)
12. Kuznetsov O. N., Lebedev V. I. Dostoevskij o tajnah psihicheskogo zdorov'ya. [Dostoevsky about secrets of mental health]. Moscow: Rossijskij otkrytyj universitet. [Russian Open University]. 1994. 397 p. (In Russian)
13. Leibin V. M. Frejd i Dostoevskij. [Freud and Dostoevsky]. Psihoanaliz zhizni i tvorchestva Dostoevskogo. [The Psychoanalysis of the life and works of Dostoevsky]. Ed. by V. M. Leibin. Moscow: Moskovskij institut psihoanaliza; Centr strategicheskoy kon'unktury. [Moscow Institute of Psychoanalysis; Center of a Strategic Environment]. 2014. P. 252–310. (In Russian)
14. Mann T. Dostoevskij – no v meru. [Dostoevsky – but in moderation]. Sobranie sochinenij v 10 t. T. 10. [Complete works in 10 volumes. V. 10]. Moscow: Publishing House Hudozhestvennaja literatura. [Fiction]. 1961. P. 327–345. (In Russian)
15. Mejlah B. S. Psihologiya hudozhestvennogo tvorchestva: predmet i puti issledovaniya. [Psychology of artistic creativity: the subject and research]. Psihologiya processov hudozhestvennogo tvorchestva. [Psychology of processes of artistic creativity]. Ed. by B. S. Mejlah, A. N. Hrenov. Leningrad: Publishing House Nauka. [Science]. 1980. P. 5–23. (In Russian)
16. Neufeld I. Dostoevskij. Psihoanaliticheskij ocherk pod redakciej prof. Z. Frejda. [Dostoevsky. Psychoanalytic essay edited by Professor Sigmund Freud]. Zigmund Frejd, psihoanaliz i russkaya mysl'. [Sigmund Freud, psychoanalysis and Russian thought]. Moscow: Publishing House Respublika. [Republic]. 1994. P. 52–88. (In Russian)
17. Popov P. S. «YA» i «ONO» v tvorchestve Dostoevskogo. [«I» and «IT» in Dostoevsky's creative work]. Psihoanaliz zhizni i tvorchestva Dostoevskogo. [Psychoanalysis of the life and works of Dostoevsky]. Ed. by V. M. Leibin. Moscow: Moskovskij institut psihoanaliza; Centr strategicheskoy kon'unktury. [Moscow Institute of Psychoanalysis; Center of a Strategic Environment]. 2014. P. 252–310. (In Russian)
18. Rosenthal T. K. Stradaniya i tvorchestvo Dostoevskogo. Psihogeneticheskoe issledovanie. [Suffering and creative work of Dostoevsky. Psychogenetic study]. Psihoanaliz zhizni i tvorchestva Dostoevskogo. [Psychoanalysis of the life

and works of Dostoevsky]. Ed. by V. M. Leibin. Moscow: Moskovskij institut psihoanaliza; Centr strategicheskoy kon'unktury. [Moscow Institute of Psychoanalysis; Center of a Strategic Environment]. 2014. P. 23–45.

19. Seleznev Y. I. V mire Dostoevskogo. [In the world of Dostoevsky]. Moscow: Publishing House Sovremennik. [Contemporary]. 1980. P. 238–274. (In Russian)

20. Stroganova E. N. Kommentarii. [Comments]. Ermakov I. D. Psihoanaliz literatury. Pushkin. Gogol'. Dostoevskij [Ermakov I. D. The Psychoanalysis of literature. Pushkin. Gogol. Dostoevsky]. Moscow: Publishing House Novoe literaturnoe obozrenie. [New Literary Review]. 1999. P. 488–500. (In Russian)

21. Freud Z. Dostoevskij i otceubijstvo. [Dostoevsky and patricide]. Freud Z. YA i Ono. Trudy raznyh let. V 2-h kn. Kn. 2. [I and IT. Works of different years. In 2 vol. Vol. 2.]. Tbilisi: Publishing House Merani, 1991. P. 407–426. (In Russian)

22. Etkind A. I. I. D. Ermakov i nachalo russkogo psihoanaliza. [Ermakov and the beginnings of Russian psychoanalysis]. Ermakov I. D. Psihoanaliz literatury. Pushkin. Gogol'. Dostoevskij [Ermakov I. D. The Psychoanalysis of literature. Pushkin. Gogol. Dostoevsky]. Moscow: Publishing House Novoe literaturnoe obozrenie. [New Literary Review]. 1999. P. 5–14. (In Russian)

23. Chupina V. A., Pleshakova A. Y. & Konovalova M. E. Methodological and Pedagogical Potential of Reflection in Development of Contemporary Didactics. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. № 11 (14). P. 6988–6998. (Translated from English)

24. Zavodchikov D. P., Sharov A. A., Tolstykh A. A., Kholopova E. S. & Krivtsov A. I. Particular Features of Interrelation of Motivation, Values and Sense of Life's Meaning as Subjective Factors of Individualizing Trajectory in the System of Continuous Education. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. № 11 (15). P. 8252–8268. (Translated from English)